

Тамерлан Тадтаев

Пыльца мертвеца

Рассказ

Я трава. Я все скрою.

Карл Сэндберг

С Марлоном и Дакко я познакомился через Бесу. Первого я считал психом и старался держаться от него подальше, тем более если он напивался. Марлон тогда становился буйным и лез с кулаками на всякого, кто был ему не по нраву. Ходили слухи, будто он пырнул ножом известного в нашем городе полевого командира. Впрочем, все, от кого я слышал эту историю, уверяли, что Марлон поступил правильно, за дело, мол, порезал задиру, зачем наезжать на человека за столом при всех? Пусть скажет спасибо, что живой остался, Марлон ведь мог ему башку отстрелить из своего обреза.

Меня не было на той вечеринке, поэтому я не берусь судить, кто прав, кто виноват. Зато я видел, как Марлон дрался на площади с актером местного театра. Пьяные, они сначала матерились и тузили друг друга, пока Марлон не захватил его руку и туловище. Затем он оторвал от земли своего высокого усатого противника, дал ему немного подрыгать в воздухе ногами и бросил через себя с прогибом. Сделал идеальный суплекс, одним словом.

Как-то после этого поединка мы с Бесой шли на похороны одного нашего приятеля и на перекрестке случайно наткнулись на Марлона со стопкой книг под мышкой. «Эмиль Золя», — прочитал я на коричневой обложке верхнего томика и удивился. В голове не укладывалось, что человек, который режет командиров как кроликов и вытирает блестящими артистами пыль на площади, читает такого серьезного автора. Верно, нашел в каком-нибудь брошенном доме большую библиотеку и зимой будет растапливать ею печку.

Поздоровавшись, Марлон сообщил, что набрел у границы на плантацию офигенной шмали и нарвал под огнем травы. Все равно делать нечего, продолжал он тихо, словно рассуждал сам с собой, так что посижу дома недельку-другую, залягу на

Тамерлан Тадтаев — осетинский русскоязычный писатель, публицист. Родился в 1966 году в Цхинвале. Участник грузино-осетинской войны. Награжден медалью «Защитник Отечества». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Сибирские огни». Автор нескольких сборников стихов и прозы, в том числе «Судный день» (2010), «Полиэтиленовый город» (2013), «Лиахва» (2015) и др. Лауреат «Русской премии» и премии журнала «Нева» (2008). Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 9.

дно, почитаю Золя. Там, на поле, остался труп голого чувака, судя по татуировкам, грузина, похоже, его застрелили, когда он бегал в кустах конопли, чтобы собрать на себя пыльцу, я соскреб с него немного дури, заправил в папиросу, дунул и до сих пор торчу. Хорошая анаша, раз тебя так разобрало, заметил Беса, подкинешь чутка? Марлон всучил мне стопку книг, сам полез в оттопыренный карман своих красных спортивных штанов с вытянутыми, как верблюжьим горбы, коленками. Он достал полиэтиленовый пакет и с великой осторожностью отсыпал в подставленную ладонь Бесы пахучие зеленовато-коричневые шишки. Потом забрал книги и, бормоча, что «Мастера и Маргариту» Булгаков слямзил из «Бесов» Достоевского, утопал прочь. Беса поднял с земли обрывок бумажки, сдул с него пыль и, завернув в клочок липкие, как пластилин, шишки, спрятал в карман джинсов.

— Он в самом деле читает Золя? — спросил я Бесу.

Тот кивнул и посоветовал не слушать тех, кто считает Марлона психом.

— Не пудри мне мозги, — сказал я. — Чувака завалил он! Подумай, наркоман с обрезом где-то на отшибе находит плантацию конопли и натывается на голого грузина со слоем пыльцы на шкуре. Что он сделает с ним? Укокошит, иначе пыльцу сдует за границу.

— Надо будет сходить проверить, Марлон просто так мухи не обидит. — Беса вздохнул, как будто ему было известно, где находится поле с коноплей, и решал он про себя, пойти ему туда прямо сейчас или чуть погодя. — Да если бы все были такими, как Марлон, мир стал бы лучше.

— Да ты рехнулся, — я повертел пальцем у виска. — Торговки на базаре при виде Марлона начинают причитать и накрывать собой товар!

— Остынь, ты ведь не знаешь, каким был Марлон, пока не попал в лапы к ментам!

— Откуда мне знать? Я пять лет жил в Душанбе, потом армия, психушка, война...

— Ну вот видишь, а Марлон, между прочим, окончил школу с золотой медалью, поступил в институт без взятки и считался лучшим студентом. Олимпиады выигрывал по физике, был чемпионом по борьбе, а в футбол до сих пор играет, как Пеле, хоть и сторчался.

— А что с ним сделали менты?

— Избили, что они еще умеют, эти тупые ублюдки... По голове его молотили и что-то повредили, под наркотой он спокоен, но бухло сносит ему крышу.

На Бесу иногда находило, и он, как адвокат, принимался защищать людей, которых считал своими друзьями.

Через несколько дней после встречи с Марлоном я и Беса решили искупаться в Лиахве. Наплававшись, мы разлеглись на песке, и напарник заговорил о Дакко: надежный парень, зря не болтает, бегаёт быстро, потому что родился в семье легкоатлетов, и у него нет чувства страха. Я бы с ним поспорил, да лень было открыть рот, до того разморило, хотя, по моему глубокому убеждению, на войне все бояться получить пулю или порцию осколков.

Вспомнил почему-то сумасшедшего старичка, которого прибило к нашему блокпосту у старого моста. Родом он, кажется, был из Тбилиси, но лечился в цхинвальской психушке. До войны его можно было видеть в компании одетых в коричневые вельветовые халаты людей из желтого дома на набережной. Они убирали в парке мусор, ходили с ведрами и метлами бесшумно, будто призраки.

Старичок был прирожденный комедиант, зубов во рту у него совсем не осталось, и он смешно произносил слова. Бедняга целый день танцевал, пел, рассказывал анекдоты, изображал Шеварднадзе и Гамсахурдия. Он всю старался подружиться и остаться с нами, потому что обитель скорби на набережной сгорела от прямых

попаданий вражеских ракет. Многие погибли сразу, выжившие из тех, кого привезли сюда в смиренных рубашках из Гори, Кутаиси, Боржоми, хотели вернуться обратно на родину, но по дороге стали добычей бродячих псов, рыщущих стаями на окраинах города. Местные недожаренные психи в полушашлычном состоянии разбрелись по домам, а у смешного старичка никого не осталось. Ему некуда было податься, по крайней мере он так говорил. Андрейка, командир, сжалился над ним, велел поварам накормить гостя, кивнул на магазин Арона, где базировался отряд левобережных, и сказал: внутри на полу матрасы, захочешь отдохнуть — ложись на любой свободный. Потом поднес трофейный «зиппо» к потухшей сигарете сумасшедшего, пощелкал, но огня не высек, бензин, похоже, кончился. Псих благодарил, просил не беспокоиться, и, чтоб от него отстали, вынул из кармана халата коробку спичек. Командир одобрительно мотнул головой и пошел разбираться с пьяницами, притащившими вино. Он собрал алкашей в кучу, самому невменяемому съездил прикладом автомата по рылу, остальным велел поставить бутылки как можно ближе к стене. Те сначала отказывались, но, получив пинки под зад, с воем и причитаниями побежали исполнять приказ. Андрейка же, отступив на несколько шагов, дал очередь по пузатым, похожим на бомбы бутылкам, они взорвались, и вино потекло ручьями по пыльной улице. Псих с сигаретой во рту наблюдал за расстрелом бухла, как вдруг один из наших сорвал с него вязаную, смешную, как у гномика, шапку, накинуд на ствол автомата и стал палить. Старичок испугался, заплакал, прошепелявил: да вы сами тут все сумасшедшие, — и смылся.

А Беса все тряндел и тряндел про Дакко. Так он и стал третьим в нашем пулеметном расчете и сразу же удивил меня. Он шел по простреливаемому старому мосту не спеша, как в замедленной съемке. Я же, напротив, перебежал опасный участок шустро, как Чарли Чаплин, смотрел на новенького из укрытия и считал пульс на шее. Андрейка тоже следил за Дакко.

— Где ты находишь этих психов? — спросил он. — Устал я от них, честное слово.

— Да нормальный он, — сказал я, расстроенный частотой сердечных сокращений. — Только слегка заикается.

— А кто будет вытаскивать твоего дружка, если его завалит?

— Как стемнеет, сам и вытащу.

— До вечера еще далеко, ну а если его только ранят и он будет звать на помощь?

— Давай сменим тему, так ведь можно и накаркать.

— Ладно. Кстати, где Беса?

— Они с Марлоном нашли плантацию конопли, — сказал я, немного подумав. — К ним прибились городские наркоманы, и они живут там коммуной.

— Он тоже с этими людоедами? — Андрейку передернуло от отвращения. — Я слышал, будто они жрут человечину.

— Да нет же, в кустах конопли валяется мертвец в пыли, а вокруг него сидят хиппари. Они потихоньку скребут дурь с трупа и накуриваются.

— Стоп, ни слова больше, не то меня стошнит.

Андрейка порылся в карманах камуфляжной куртки, достал дымовую шашку, выдернул кольцо и кинул ее под ноги Дакко. Тот исчез в дымовой завесе. Мы только слышали, как он кашлял и, заикаясь, матерился.

— Вот как он благодарит меня за то, что я скрыл его от снайпера!

Андрейка покачал головой, встал и, прихрамывая, направился к водопроводной колонке, где его поджидал человек с машинкой и бритвой — командир наш любил подчистую сбривать волосы со своей кумекалки.

За мат Дакко мог схлопотать по морде, надо было заранее его предупредить, что

стрелок на холме стал активный и за последнюю неделю убил несколько человек, в том числе мою соседку бабушку Ленку.

В другой раз мы с Дакко пересекали опасный участок, и на нашем пути оказалась черешня. Нижние ветки ее были ободраны, но верхние ломились от изобилия спелых и вкусных, как поцелуи красавиц, ягод. Я пробежал мимо дерева, остановился перевести дух за кучей гравия, обернулся и уронил пулемет от изумления: Дакко взобрался на самую верхушку и обжирался ягодами.

— Эй, — позвал я. — Слезай, пока тебя не снял снайпер.

Тот не слушал, продолжал есть, по ходу ломал тяжелые ветки и бросал в мою сторону.

— Да не надо мне столько, хватит, спасибо! Давай вниз, тебя уже из Тбилиси видно.

Дакко содрал с черешни, как насильник с девушки, зеленое в рубинах платье, и оно валялось на земле, красивое и ненужное. А я беспокоился за него, мне казалось, что снайпер уже взял на мушку фигуру в темной футболке и джинсах на лысой, как шея страуса, верхушке дерева. Я кинул в Дакко камнем, попал ему в голову, тот ойкнул, приложил ладонь к макушке, увидел кровь, спрыгнул и чуть не сломал себе ноги. А через минуту с холма стали палить по черешне. Должно быть, Дакко понял, кто набил ему шишку на голове, и больше не появлялся на левом берегу.

К тому времени я познакомился с Ацой, которому выдали новенькую СВД, и мы вдвоем охотились на вражеского снайпера. В то утро я, как обычно, поджидал Ацу возле магазина Арона и заметил на старом мосту компанию во главе с Бесой, несшим под мышкой пьяненького карлика Исмела. Тот махал ручками и ножками, матерился и требовал свободы. Беса не обращал на него внимания, он уперся взглядом в поросший сосняком холм и быстренько приближался к базе отряда. Сзади плелись Марлон, Дакко, усатый Бота и альбинос Макс из нашего района, который прославился тем, что подшучивал над сумасшедшим Махаром.

Махар, конечно, сердился, однако терпел, хотя кого другого за косой взгляд в землю вбил бы, как кол, но с альбиносом он дружил еще со школы. А когда у сумасшедшего Махара умерла мать, я на похоронах слышал, как он просил Макса хотя бы во время поминок держать рот на замке, иначе, мол, за себя не ручаюсь: башку откручу, вытащу твою вставную челюсть и забью тебе в зад! Макс, испугавшись такой вспышки гнева, бормотал: дескать, даю обет молчания, а как насчет слов соболезнования, сейчас их сказать или попозже? Махар решил, что тот опять над ним издевается, и обещал разобраться с ним после похорон. Он вернулся с кладбища печальный, в траурном костюме, сел за поминальный стол напротив альбиноса и задумался. Перед ним положили тарелку с мясом, полбуханки хлеба, кусок желтого вкусного сыра, в стакан налили красного вина, а Махар вдруг всхлипнул, съезился. Отвернувшись, чтоб никто не видел его в минуту слабости, он стал вытирать лицо платком и сморкаться. Макс же, налакавшись, шепотом рассказывал соседу анекдот, не удержался в смешном месте, прыснул, изо рта вылетела вставная челюсть и плюхнулась прямо в стакан Махара. Если бы мне рассказали про такое меткое попадание, честное слово, не поверил бы, но это произошло прямо на моих глазах! Ничего подобного я не видел ни в кино, ни в цирке. Кто-то из великих сказал: настоящая правда всегда неправдоподобна, и я согласен с ним на все сто. Мы все застыли на своих местах, будто перед каждым на тарелку вместо мяса положили гранату с выдернутым кольцом.

Махар, успокоившись, принял исходное положение. Ничего не подозревая, он потянулся к стакану и, заметив в нем вставную челюсть, взглянул на Макса красными

заплаканными глазами, сжал кулаки и медленно поднялся. Я, усатый Бота, Марлон, Кумпол, Беса и еще два каких-то типа кинулись и повисли на нем, чтобы он не прибил своего побелевшего одноклассника. Махар стряхнул нас с плеч, как медведь охотничьих псов, и, бормоча: не понимает человек, в такой день мог бы и воздержаться от своих дурацких шуток, пересел за другой стол.

Компания благополучно прошла старый мост и, завидев меня, подвалила здороваться. Беса, поставив Исмела на ножки, заявил, что у Макса в подвале закопано пятьдесят литров белого вина пятнадцатилетней выдержки и надо, мол, немедленно переправить его в город.

Дом Макса находился на улице, которая простреливалась с холма. Я посоветовал компании не рисковать, лучше пойти туда вечером, когда стемнеет.

— Это мы и без тебя знаем! — орал Беса. — Гляди-ка, у нас только Дакко с автоматом, так что гони сюда пулемет или топай с нами, прикроешь!

— Никуда я с вами не пойду и оружие не дам! Я жду Ацу, он должен появиться с минуты на минуту.

Парни, изрядно поддатые, загалдели: да не нужно нам ничего, дергаем к Максусу. Они свернули за угол, и голоса стали тише. А я все ждал Ацу у выбитых дверей магазина Арона, но вместо него передо мной возникла фигура Марлона. Он приблизил ко мне свое обросшее черной бородой лицо и с ненавистью произнес: засунь-ка пулемет себе в зад! Я едва не нажал на спуск, но вспомнив, как делают в таких случаях великие люди, превратился в каменную статую.

Парпат так же стоял, когда перед ним бесновался Гамат. А у того крыша совсем поехала, честное слово, и он орал: зачем ты повесил на меня те трупы? Сколько раз я выручал тебя, ни разу не подвел в деле, исполнял твои приказы, а ты предал меня! Как ты мог со мной так поступить, мать твою? Гамат размахивал руками, однако приближаться к Парпату не смел, словно тот находился в центре магического круга. Командир, не замечая Гамата, спокойно отдавал приказы молодым, еще не обстрелянным ополченцам, которые с пунцовыми лицами загружали боеприпасы в грузовик. Все славное воинство Цхинвала в глубочайшем молчании смотрело на это шоу. Не знаю, о чем думали другие, а я вот, честное слово, не понимал, почему человек, обвинивший легендарного, всеми любимого командира в предательстве, не валяется в луже собственной крови. Агент и Колорадо, младшие братья Парпата, тоже были тут, я ждал от них сумасшедших действий, но они так и не выдвинулись из толпы, не порвали Гамата, не сжевали его живьем и даже не застрелили. Ополченец, поставив последний ящик в грузовик, закрыл борт. Парпат одобрительно кивнул головой, махнул рукой водителю, дескать, езжай. Потом взглянул на орущего Гамата, будто только сейчас его заметил, и, улыбнувшись, произнес: «Гамат аз да не с Гамат, кодтон айуа да бози мады...» (Гамат, не я ли сделал из тебя Гамата, мать твою шлюху...)

Гамат, услышав это, прыгнул в свою белую «семерку», мотор под капотом взревел, колеса завизжали буксуя, машина сорвалась и, виляя, умчалась прочь, оставляя на сером, как лицо мертвеца, асфальте черные полосы.

Марлон свалил, а я вжился в роль и со скрещенными на груди руками продолжал пялиться на бесстекольное окно военкомата напротив. Аца с винтовкой в руке растолкал меня, спросил: эй, ты случайно не под гипнозом? Хорошо бы, — сказал я и, закинув пулемет на плечо, двинулся за ним к дому возле здания суда. Мы облюбовали там квартиру, и Аца оттуда, из окна, завалил нескольких солдат прямо в окопе. Сам я обычно проходил в кабинет бывшего хозяина квартиры, ставил на стол пулемет,

приносил из кухни бутылку хозяйской араки, выпивал и до вечера валялся на большом черном кожаном диване. У меня была мысль сшить из обивки длинный, до пят, плащ, но для моей дерзкой задумки нужен был хороший портной. А где его искать в такое мутное время? В нашем городе самые крутые портные были евреи, а они давно смылись в Израиль. Я выпил несколько стаканов араки, помастурбировал и уснул. Аца разбудил меня, сообщил, что грузины на холме чему-то радуются, наверное, грохнули кого-то из наших, и надо, мол, сгонять на базу, узнать что и как. Он быстренько собрался, ткнул стакан перед выходом и закрыл за собой дверь. Одному в пустой квартире не хотелось оставаться, и я тоже решил свалить.

У магазина Арона царило оживление, словно привезли дефицитный товар, но при виде меня ребята замолчали, на кого бы я ни взглянул, все опускали взгляд. Не зря, значит, враги радовались на холме, Боже, пусть это будет не Беса, под глазами и в носу я ощутил влагу. Но заплакать опять не получилось, не мое это, хотя я слышал, что пореветь иногда полезно. Признаться, я завидую тем, кто может рыдать, биться головой об дверь, стену, рвать на себе волосы над гробом безвременно ушедшего товарища.

Был у меня приятель, и однажды в пьяной драке какой-то тип исколол ему грудь ножом, и он умер по дороге в больницу. Беса тоже знал бедолагу и потащил меня с собой выразить соболезнование его родным, заодно, мол, повечеряем. Я сначала упирался, не хотел, но вспомнив сестру почившего, в которую был влюблен со школы, подпрыгивал на ходу от радости. Беса положил свою тяжелую руку мне на плечо, сдавил так, что у меня глаза выкатились от боли, и жестко сказал: потише, мы, мать твою, не на свадьбу идем, относись к таким вещам посерьезней. Ладно, только убери свою лапу, руку вывихнешь! Может, ты не знаешь, Беса, но я этого типа терпеть не мог, он все время докапывался до меня, просто жить не давал. Хочешь начистоту? Я бы сам пришел его, да спасибо тому парню, опередил! Ну тогда веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, засмеялся Беса, любивший цитировать Екклесиаста, и да повезет тебе в любви сегодня. Проклятье, ничего у меня не вышло: моя школьная любовь, закутанная во все черное, сидела у гроба брата и даже не заметила моего появления, хотя я нарочно топтался возле нее, сморкался и покашливал. А в ноздри уже бил запах разлагающегося трупа, я чуть в обморок не грохнулся, хорошо Беса догадался вытащить меня во двор. На свежем воздухе я пришел в себя и до скамейки на улице добрал сам, ребята подвинулись, и мы с Бесой уселись рядом.

В самом начале войны народ только привыкал к смерти, поэтому пришлось опустить голову, тяжело вздыхать, вытирать рукавом сухие глаза, непрерывно курить — словом, соблюдать этикет. И тут появился здоровенный кудрявый чувак в черной кожаной куртке. Он бил себя в грудь, стучался башкой об фонарный столб, разнес за нами чей-то деревянный забор, орал, что отомстит за своего лежащего в гробу друга. Мы на скамейке стали гадать, кто этот человек, смотрели друг на друга: знаешь его, нет, откуда, в первый раз вижу, горюет-то как шумно, прямо мороз по коже...

— Наверное, он нанятый плакальщик, — шепнул мне в ухо Беса.

— А на хрена его нанимать? — сказал я, наблюдая за кучерявым в кожанке, который схватил валявшуюся на улице большую покрывку, поднял ее и швырнул изо всей дури в чей-то огород.

— Ты ничего в таких делах не смыслишь. Плачут сейчас у гроба не так сильно и искренне, как днем, когда его только привезли из морга. Люди устали, ну и наняли чувака порыдать. Гляди-ка, он уже доску грызет — зверь, а не плакальщик!

Незнакомец вошел в дом, и оттуда донесся мощный рев, заглушивший слабый, несколько фальшивый плач, а чуть погодя послышался грохот падающей мебели, зазвенела разбитая посуда. Родственники убитого высыпали на улицу и стали звать на помощь. Мы повскакали со скамейки, кинулись внутрь, схватили чувака в кожанке, хотя он упирался руками и ногами, вытащили на улицу, собирались побить, да мать покойника, тронутая искренним горем незнакомца, попросила не трогать его... После уже рассказывали, что плакальщик, или черт знает кто он был, сорвал со стены дорогой ковер, разбил хрустальную люстру, стоимую немислимых денег. Словом, устроил погром, пытался даже влезть в гроб, умоляя закопать его вместе с усопшим.

Из магазина Арона вышел Андрейка и, оттащив меня за угол, обещал кончить моих дружков, если они еще раз сунутся в наш район. Я дал ему выговориться и спросил:

— С Бесой все в порядке?

— А что с ним может случиться! Убили этого, как его... — Андрейка зашелкал пальцами вспоминая.

— Марлона? — спросил я с надеждой.

— Да нет же... Кто из твоих друзей заикается?

— Дакко.

Я вспомнил, как он ломал ветки черешни и кидал мне.

— Вот-вот, снайпер завалил его у дома Макса.

— А Макс сам где?

— Заперся у себя дома, — Андрейка осклабился. — И обещает пустить себе пулю в лоб, если не отомстит за Хайдера.

— Никого он не убьет. Макс и стрелять-то не умеет.

— Сходи к нему, поговори, может, послушается тебя и уберется в город.

— Попробую.

Я оставил на блокпосту пулемет, одолжил у одного типа автомат, набил карманы пачками патронов, взял лимонки и дернул к дому Макса. Район наш совсем опустел после убийства двух бабушек, молодой женщины и одного дедушки. Люди побросали свои жилища и перебрались с левобережья в город. Матушка моя тоже заняла пустую комнату в большом старинном доме с деревянной верандой. Иногда я приходил туда ночевать, но мне было неуютно в помещении, где жили до нас грузины. Особенно раздражала кровать, скрипучая и продавленная, так что по утрам я вставал злой после бессонной ночи и, почесываясь, собачился с родительницей.

Макс, может быть, и не открыл бы мне забрызганную кровью дверь, если бы с холма не стали палить. Я спрятался за бетонным крыльцом, отвечал одиночными, пока не выглянул взъерошенный хозяин и не позвал войти. На плече у него висел тот самый автомат, который был утром на Хайдере. Я взлетел по окровавленным ступенькам крыльца и юркнул в дом. Мы прошли в гостиную, сели за стол, Макс налил мне в пустой стакан желтого вина, я поблагодарил и выпил.

— Это вино пятнадцатилетней выдержки? — спросил я, причмокивая.

— Оно самое, — Макс опустошил свой стакан, уронил голову и заныл. — Это я во всем виноват. Зачем я тащил сюда ребят?

— Как он погиб, бедняга? — перебил я Макса.

— Ел черешню с дерева, снайпер, наверное, решил, что раз на Дакко висит автомат, значит, он самый крутой, и застрелил. Не верится, что Дакко больше нет, ему было тридцать, и он ушел от нас, так и не познав женщину!

Я хотел отвлечь его от печальных мыслей и сообщил, что мне двадцать четыре и я уже имел пять девушек (двух я добавил), а от одной заразился триппером! Но стоит

ли хвастаться этим сейчас? Налей-ка мне еще вина, укс, спасибо, хорошо-то как! Вино точно пятнадцатилетней выдержки? По вкусу оно как двадцатилетнее. Еще стаканчик, пожалуйста. За твоё здоровье, Макс! Все, больше ни капли, хотя нет, погоди, я сам налью, укс, не вино, а бомба. Дай-ка я тебя обниму по-братски, только не подумай, что я гей, у меня в приоритете женщины. Но как они любят выносить мозг! Выпьём за них, а? Да ты не печалься. Можно, спрошу тебя? Ты вот так и родился седым? Охренеть, не могу представить тебя шатеном, ты извини, конечно. А Дакко теперь хорошо на небе, он смотрит на нас оттуда и радуется. Ну все, пора идти, Макс. Как не пойдешь? Ты здорово рискуешь, грузины ночью спустятся с холма и зачистят тебя. Два трупa за один день — куда это годится? Будешь отстреливаться? Не смей меня, у тебя здесь негде укрыться, они просто закинут гранаты в окно и всё! Поверь, твой дом — неудачная позиция для обороны, отсюда нет даже обзора. Советую тебе ночью выйти в огород и спрятаться за бассейном. Ну же, голубчик, не упрямясь, ух и тяжел ты. Не надо в меня целиться, видишь, я с поднятыми руками стою! Черт с тобой, оставайся, патроны хоть есть? Я так и знал, что у тебя только один магазин и то неполный.

Я стал выкладывать на стол пачки патронов и положил сверху две лимонки.

— Это все, чем я могу тебе помочь, Макс, — сказал я и пошел к двери. — Прости, что не остаюсь с тобой, но я не люблю быть в невыигрышном положении. Ну давай, брат, и помни: тебя никто не винит в смерти Дакко.

Макс благодарил меня, лез обниматься, и я предпринял последнюю попытку спасти его:

— Знаешь что, ты беги первый, а я за тобой.

— А-ха-ха, хорошая шутка, спасибо, но я останусь.

— Ну тогда удачи.

Макс запер за мной дверь, я прыгнул с крыльца в сумерки, добежал до конца улицы и, спрятавшись за углом, стрелял оттуда, крича то басом, то тенором. Я хотел запутать врагов, сбить их с толку. Кажется, у меня получилось, потому что минут через десять с высоты открыли огонь. Супер, я добился своего, грузины теперь будут думать, что нас тут целый отряд, и побоятся спуститься вниз. Я вернулся на базу со спокойной совестью и решил переночевать в магазине. Но в углу на своем матрасе я обнаружил храпящего ребенка. Вот так сходят с ума, подумал я и, щелкнув зажигалкой, увидел страшное, заросшее щетиной лицо карлика Исмела.

Дакко лежал в гробу на столе в комнате, набитой пьяными парнями. Я заметил Макса, обрадовался ему, хотел подойти, но Марлон опередил меня и, схватив альбиноса за руку, стал шептаться с ним, поглядывая в мою сторону. А, черт, теперь жди неприятностей, подумал я, надо будет поскорей свалить, только дождусь Бесу. Я протиснулся в угол, уселся на пустой стул, посмотрел на гроб — тут-то меня и потрянуло, глаза увлажнились, вокруг все расплылось. Неужто расплачусь? Я опустил голову, и слезы, блеснув при свете натканых там и сям свечек, упали на кроссовки. Сумасшедший Махар, между тем, навалился сверху на Дакко и говорил: эй, не пудри нам мозги, давай вставай, как будто я не знаю, что ты притворяешься! Хочешь, чтоб мы все тут тебя пожалели? Не выйдет, мы тебя раскусили! Кстати, я тебе должен восемь рублей, но, если хочешь получить должок, тебе придется подняться. Ну пожалуйста, не лежи так, Махар всхлипнул, хер с нами, с твоими друзьями, но ты бы отца своего старого пожалел...

Я больше не мог слушать, вскочил, протолкался к двери, сбежал по лестнице, пересек во мраке дорогу, за которой был пустырь. И по пути разнес чью-то деревянную ограду, в руке у меня оказалась деревяшка с мелкими гвоздями, и я колотил ею себя по лбу, пока она не превратилась в щепки, потом я упал на землю и жрал ее вместе

с травой. Не знаю, сколько это продолжалось, но, когда меня отпустило, я почувствовал в темноте чье-то присутствие. Я приподнялся, сел, подтянул ноги к животу, обнял их и стал всматриваться в человека, сидевшего в двух шагах от меня. Это был Марлон, и он посоветовал мне поплакать еще, пока не станет легче: никого, мол, не стесняйся, считай, что меня здесь нет.

— Да мне плевать, — сказал я дрожа. — И знаешь что, держись от меня подальше...

— Чувак, прости, я был к тебе несправедлив. Макс мне все рассказал, ты поступил благородно!

— Ты так считаешь?

— Конечно, ты оставил ему патроны и вызвал огонь на себя. Не каждый способен на такой поступок.

— Это фигня, вот когда мы брали высоту, я шел вторым за Парпатом...

— Знаю-знаю. Отныне я тебе друг, можешь на меня положиться в любом деле. Хочешь дунуть?

— Пыльцу с мертвеца?

— Офигенная шмаль. Слушай, тебя еще трясет, поплачь еще или надень мою мастерку.

Марлон стянул с себя куртку, накинул мне на плечи, уселся рядом, мы выкурили косяк, и дрожь в теле стала утихать.